

А этот пёс стоял перед шкафом с часами и протягивал свою лапу-кочергу к коллекции Richard Mille, которую Янь Цзою с таким трудом собрал. Янь Цзою бросился вперёд:

— Хороший мальчик, отдай мне это...

Гу Та надул губы, твякнул и отвёл голову в сторону: не отдам.

Янь Цзою сделал шаг вперёд — Гу Та отступил на шаг назад. И тут дорогие часы, которые Янь Цзою с огромными усилиями выбил у Тань Чэня, с грохотом шлёпнулись на пол.

Это было его сокровище! Янь Цзою занёс руку, чтобы дать ему пощёчину, но так и не опустил её — потому что пёс уже тянулся к часам Cartier.

Янь Цзою отступил. На его лице появилась улыбка, сквозь которую пробивалась ярость:

— Хороший пёсик, хороший... Не волнуйся, не волнуйся.

Даже Рыжик, который обычно перед Янь Цзою вальяжно важничал, был впечатлён разрушительной силой новичка. Однако он лишь спокойно наблюдал со стороны, изображая милого и послушного котика: «Ну давай, хулигань, посмотрим, чьим слугой он останется в конце концов!»

Грохот — и его Cartier оказался на полу.

Сердце Янь Цзою похолодело.

Он жаждал убийства, но уцелевшие часы, казалось, смотрели на него умоляюще: «Мир прекрасен, а ты так зол, это нехорошо... нехорошо».

Янь Цзою глубоко вдохнул и, скрепя сердце, промолвил:

— Хороший пёсик, иди сюда, давай спать, хорошо?

Пёс радостно бросился к нему. И, разумеется, вся краска с его тела перемазалась на Янь Цзою.

Я терплю!!!

Янь Цзою взял влажное полотенце и вытер краску с морды Гу Та, затем уговорами и хитростью нашёл ему одежду и переодел.

Потратив уйму сил и нервов на усмирение пса, он наконец переоделся в пижаму сам.

Затем, впервые в жизни, юный господин собственноручно сменил постельное бельё и уложил пса на кровать. Гладь его по голове, приговаривая:

— Хороший пёсик, спи, спи...

Авторское примечание:

Наш брат Гу — крутой парень, скромный, но дерзкий.

Глава 14. Хмель придаёт смелости

Солнце стояло уже высоко.

Гу Та проснулся с ощущением, что всё тело ломит и ноет.

Перевернулся — и в нос ударил лёгкий, но знакомый аромат.

Самое нежное чувство на свете — проснуться и обнаружить, что тот, о ком думаешь, рядом.

Перед самым его лицом — утончённые, изящные черты. Так близко, что чувствуется дыхание.

Ресницы — густые, чёрные, длинные и загнутые. Они слегка дрогнули, словно крылья бабочки, отбрасывая на нижние веки изогнутые тени.

И особенно эти влажные, нежно-розовые губы. Так и хотелось прикоснуться к ним, попробовать на вкус.

Гу Та приблизился и коснулся их лёгким, едва ощутимым поцелуем. Они были мягкими. Поскольку ощущения были приятными, Гу Та решил повторить — приник к ним, облизал. Они стали ещё мягче.

По всему телу Гу Та разлилась странная, сковывающая слабость, добравшись до самых кончиков пальцев.

Его рука, будто сама собой, поползла по шее собеседника, скользнула по кадыку, затем по ключицам и дальше к груди. Гу Та двигался осторожно, а сам краснел до самых ушей.

...Какой же реалистичный сон!!!

— Хороший пёсик, не балуйся... — Янь Цзою перекинул ногу через ноги Гу Та, обнял его и принялся нежно похлопывать по спине. — Спи, спи, хороший мальчик.

— ???!!! — Гу Та замер. Сердце заколотилось так, будто хотело выпрыгнуть из горла. Значит... он только что его поцеловал? Его первый поцелуй — и вот так просто исчез?!

Кто я? Где я? Мамочки!!!

Гу Та пролежал без движения несколько часов, а сердце всё ещё бешено стучало.

Ближе к полудню тишину разорвал телефонный звонок.

Гу Та поспешно притворился спящим.

У Янь Цзою был скверный характер по утрам, а вчера из-за этого пса он промучился допоздна, так что выспаться не удалось. Поэтому и тон был соответствующий. Он включил громкую связь, швырнул телефон на подушку и даже глаз не открыл:

— Дело есть? Говори. Не дело? Катись. Не мешай спать!

— О, важный какой, — Чэн Хао только что сошёл с трапа, и по голосу было слышно, что он в прекрасном настроении. Он понизил голос:

— Погоди, сегодня я тебя доведу до слёз.

Услышав голос Чэн Хао, Янь Цзою вздрогнул и наконец вспомнил про сегодняшние важные

дела. Он резко поднялся:

— Который час?

— Полодиннадцатого. Ты что, ещё не встал?

— Я давно встал! Тебя жду! — Янь Цзою принялся натягивать одежду.

— Ладно, ладно, братан Янь, ты всегда прав. Кстати, где ресторан? Я скоро подъеду с родителями.

— «Терраса Юйхуа», зал 505. Чэн Хао, как думаешь, они согласятся?

— Не забивай голову. Обязательно согласятся. Даже если нет — мне плевать, я всё равно хочу прожить с тобой всю жизнь. Ладно, не болтаю, машина подъехала. Увидимся в обед, чмок!

Янь Цзою специально выбрал самый солидный и торжественный наряд, переоделся, позвонил своим безумно занятым отцу с матерью и под каким-то предлогом заманил их в ресторан.

После ухода Янь Цзою Гу Та сел на кровати. Комната вокруг выглядела как после урагана — простыни, одежда, всё в беспорядке.

В этот момент толстый рыжий кот с высокомерным видом вышагнул вперёд и начал обходить Гу Та величественной походкой. Его взгляд, его выражение морды ясно говорили: «Тут тебе не рады».

Рады или нет — неважно. Всё равно это в последний раз. Гу Та всё слышал: у «богини» есть парень, и они уже собираются знакомить родителей.

Подумав, что это его первый и последний раз в комнате «богини», Гу Та решил как следует всё осмотреть — на прощание.

Проходя мимо зеркала, он наконец заметил свою одежду — чёрную шёлковую рубашку. Ткань была мягкой и облегающей, рукава длинными. Брюки тоже чёрные и длинные, пришлось подвернуть.

Это... одежда Янь Цзою? Гу Та поднёс край рубашки к носу и вдохнул — знакомый аромат духов.

То есть... это Янь Цзою его переодел? В голове у Гу Та поплыли сладкие картины.

Он тут же замотал головой: нельзя, нельзя так думать. У «богини» уже есть возлюбленный.

Закончив осмотр, Гу Та понял, что самым впечатляющим помещением была гардеробная.

Одежда была развешана по сезонам: весна-лето, осень-зима. Отдельный шкаф занимала женская одежда. Затем шляпы, туфли на высоких каблуках, мужская обувь, ремни, очки, часы... Всё было рассортировано и аккуратно расставлено.

Такой высокий уровень жизни Гу Та видел разве что по телевизору.

Он ещё раз укрепился в мысли о пропасти между собой и «богиней». Он вспомнил имя «Чэн Хао», вспомнил тон, которым тот говорил при их первой встрече. По голосу слышно — человек негодный.

Подумав об этом, Гу Та осознал, какая укусная нота прозвучала в его мыслях.

Он поднял свою испачканную краской одежду и собрался уходить.

Открыл дверь.

На пороге, неподвижный как изваяние, стоял Лю Каменное Лицо.

— Гу Та. Молодой господин приказал дожидаться его возвращения. И спрятаться, чтобы тебя никто не увидел. У вас ещё есть нерешённые вопросы.

Он добавил:

— И как ты умудрился связаться с этим маленьким врединой?

«Терраса Юйхуа». Зал 505.

Воздух был густым, будто перед грозой. Противостояние семей Янь и Чэн тянулось с давних времён, из поколения в поколение. И по сей день представители двух семей не могли видеть друг друга без раздражения. Кто бы мог подумать, что по недосмотру младшее поколение устроит такой переполох.

Вот уж действительно — позор для семьи, провал в воспитании. Не смогли даже передать эту вековую вражду по наследству.

Янь Цзою стоял на коленях перед Чжун И, не смея поднять голову.

Чжун И дёрнула сына за ухо:

— Ах ты, негодник! Что ты сейчас сказал? Повтори-ка!

Янь Цзою, хоть уху и было больно, не сдавался:

— Я люблю Чэн Хао. Мы вместе уже три года.

Янь Чжицин, стоя рядом, попытался сгладить ситуацию:

— Сынок, посмотри, как ты маму расстроил. Быстро извинись, и пойдём домой, не будем есть.

Но Янь Цзою словно врос в пол:

— Не уйду. Я буду с ним.

Чжун И отвесила ему пощёчину по левой щеке:

— Уйдёшь?

— Нет.

Тогда она ударила его по правой щеке — для симметрии.

— В последний раз спрашиваю: уйдёшь???

— Нет.

Чжун И встала, потянула за собой Янь Чжицина и направилась к двери:

— Хорошо! Я тебя растила, чтобы ты меня в гроб загонял? Ступай, гоняйся за своей дурацкой любовью! И с этого дня не смей переступать порог дома Янь!!!

Янь Чжицин, услышав, что Чжун И выгоняет сына, представил себе грядущие мучения — ведь ему придётся вместо сына носить женскую одежду.

— Чжун И, сын провинился — нужно воспитывать. Но выгонять-то зачем?

<http://bllate.org/book/16261/1463150>